

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

УДК 01:59

А.М. Малолетко

Феномен Ирисова

A.M. Maloletko. Irisov's phenomenon

С 1960 г. я работал в Алтайской гидрогеологической партии Западно-Сибирского геолуправления (в с. Верх-Катунском, около Бийска) и часто бывал в Бийском музее, в помещении которого базировался Алтайский отдел Географического общества. Я уже не помню, при каких обстоятельствах состоялось мое знакомство с Эдуардом Андреевичем. Я знал, что в начале 1962 г. в музее появился новый сотрудник, видел его, но вряд ли мы сразу пошли на контакт друг с другом – уж очень разными были у нас научные интересы.

Благодаря содействию директора Г.И. Панаева, музей организовывал ежегодные экспедиции на Алтай. Этим воспользовался Э.А. для знакомства с горной орнитофауной, список которой он за годы исследований увеличил на несколько десятков видов. Э.А. оставил музею прекрасную коллекцию более чем из 2000 тушек птиц.

После отъезда из Бийска председателя Совета Алтайского отдела Географического общества СССР М.Ф. Розена (1962 г.) я вскоре возглавил редакционно-издательскую комиссию отдела и готовил к изданию очередные “Известия Алтайского отдела Географического общества СССР”, выпуск 3. Так мне попала на редактирование первая статья Эдуарда Андреевича “Летние орнитологические наблюдения в районе озера Джулу-Куль”. Писал статью молодой автор тяжело, совместное доведение ее до кондиции было трудным и продолжительным. Но позднее участие в подготовке многих сборников дало Эдуарду Андреевичу такой опыт, который буквально сделал его знатоком издательского дела. Позднее статьи Э.А. публиковались почти в каждом номере “Известий...”. Для начинающего ученого это провинциальное издание было трамплином в большую науку, в центральные издания.

В конце 1964 г. Эдуард Андреевич был избран председателем Алтайского отдела Геогра-

фического общества СССР. Сам он не рвался к этой незнакомой ему работе, да и другие члены совета хотели бы видеть на этом посту “чистого” географа, а не биолога, но лучшей кандидатуры тогда не было. А дальнейшее развитие событий показало, что в выборе не ошиблись. К новой и незнакомой ему общественной работе Э.А. подошел очень ответственно. В 1965 г. я уехал в Томск, и, как ни странно, именно с этого времени у меня начали складываться с ним неофициальные, дружеские отношения.

Летом 1970 г. по просьбе Э.А. Ирисова, работавшего с 1969 г. уже в Алтайском заповеднике (пос. Яйлю), начальник Телецкой озерной станции Валентин Васильевич Селегей “добросил” меня от Артыбаша до Яйлю. Это было мое первое и далеко не последнее посещение Телецкого озера. Ирисов был весь в делах. Из встреч с ним запомнилась беседа на берегу залива Камга. Перед нами была удочка с так и не дрогнувшим поплавком. А речь шла в основном о птицах. Речь держал Э.А. И вдруг разговор переключился на геологическое прошлое планеты. Эдуарда Андреевича интересовал геологический период “юра” (он неправильно делал ударение на первой гласной). И только значительно позже я понял, что уже в то время Э.А. задался целью выяснить время, место и причины появления птиц, их способности к передвижению по воздуху и обитать на больших высотах (в горах), бедных кислородом. К этой цели он шел планомерно и устремленно в течение нескольких десятилетий. Кроме алтайских, были экспедиции на Тянь-Шань и Памир, на плато Путорана. В конечном итоге первые замыслы выразились в создании принципиально новой и весьма перспективной гипотезы, значимость которой маститые коллеги Ирисова восприняли не сразу и далеко не все.

Яйлинский период жизни Э.А. Ирисова был очень плодотворным. Э.А. получил возможность проводить полевые работы по широкой и

хорошо продуманной программе исследований. Он не замыкался на своей “птичьей” проблеме. В научной программе были и ботанические, и географические (изучение лавинных процессов), и другие исследования.

Работал Э.А. в заповеднике самозабвенно. Он помог себе и другим в сборе материалов для диссертаций, писал много статей и быстро рос как ученый. В 1972 г. он защитил кандидатскую диссертацию по фауне и экологии птиц Юго-Восточного Алтая. Настало время, когда он осознал, что дальше (вернее – выше) он расти не может: “Затылком уперся в потолок”. Необходимо было выйти на более высокий уровень – уровень обобщений и теоретических построений. Э.А. Ирисов сразу же дал согласие на работу в Алтайском университете, как только получил оттуда приглашение (1975 г.).

За годы работы в Алтайском университете (1975-1979 гг.) Э.А. много и скрупулезно разрабатывал проблему адаптации птиц к высокогорным условиям обитания, задуманную еще в яйлинский период работы. Проблема требовала комплексного анализа экологического, физиологического, биохимического влияния на птиц различных по своей природе факторов в специфических условиях высокогорья. К числу факторов влияния он относил ионизацию воздуха, электрические поля облаков, струйные течения, криогенные и катастрофические явления. Особое место он отводил изучению крови птиц как внутренней среды и природному радиоактивному фону, вызывающему мутации. Э.А. Ирисов опубликовал много серьезных исследований, его авторитет как ученого, специалиста в области орнитологии резко возрос в кругах орнитологов страны.

Э.А. Ирисов умел удивляться, это важное свойство исследователя было присуще ему. Новому наблюдению, всему удивительному в природе он радовался как ребенок. Ирисов любил людей молодых, талантливых, увлеченных. Он с удовольствием работал с ними – со школьниками, студентами. Немало их он ввел в большую науку. Э.А., будучи от природы талантливым рассказчиком, стал прекрасным учителем. Его лекции, глубокие по содержанию, образно исполненные, всегда вызывали интерес слушателей и были доступны пониманию. Немало его учеников на многие годы сохранили чувство благодарности и сыновней привязанности к учи-

телю, хотя оный никогда не был добреньким.

Мне приходилось бывать с Эдуардом Андреевичем в полевых экспедициях на Алтае и дважды – на Хантайском озере (в 1977 и 1978 гг.). Поражали две черты в поведении полевого Ирисова: жадность к наблюдениям и бытовая приспособленность к любым ситуациям полевой жизни. Работая в поле, Э.А. четко выполнял намеченную программу исследований. Он знал, зачем едет и что он должен сделать в поле. Вместе с тем он не пропускал мимо любые факты, касающиеся живой природы.

Ирисов был удивительно коммуникабельным человеком. С людьми любого социального уровня он мог найти общий язык, если... Если человек заслуживал уважения. Если кто-то вызывал неприязнь, Э.А. был с ним подчеркнута официален. Хорошо удавались ему контакты с “простым людом”. Помню, как быстро нашел общий язык Э.А. с чабаном-алтайцем, когда искал пристанище в холодные дни начала мая в Чуйской котловине. С рыбаками на Таймыре и их ребятишками он также сразу устанавливал добрый контакт.

Ирисов был оптимистом. Он верил, что работает на будущее, и старался обогатить его своими идеями. Считал, что все еще успеет. Но беда подкралась незаметно, без предупреждения, завладев инициативой. Этот жизнелюбивый человек не верил, что судьба так жестоко обойдется с ним. Он был уверен, что преодолет недуг. Иных мыслей он и не допускал. Неимоверные усилия его и Надежды Леонидовны давали обнадеживающие результаты. В голове Ирисова родилась идея о проведении на Алтае международной конференции “Птицы в условиях гор”. Оптимизму не было предела: Э.А. считал, что проведет эту конференцию и найдет для нее деньги. Затем наступил спад. Поражение стало явным даже такому оптимисту, как Ирисов. Но он не сдавался. Пока силы были, решил переделать диссертацию в монографию. Но силы все же таяли, и Э.А. Ирисов отказался от этой затеи: “Эту работу сделают и без меня”. В следующий приезд он показал мне стопку исписанных карандашом листов: “Хочу написать книгу «Кровь птиц»... В мире не было такой книги, и ни у кого нет такого материала, как у меня”. Силы таяли. Считанные часы, когда температура была нормальной, он садился писать статьи в разные журналы, подытоживая свои исследования.

Борьба за жизнь продолжалась. Сам Ирисов и Надежда Леонидовна старались оттянуть неизбежный конец. *“Я за соломинку хватаюсь! Пробую все, что посоветуют. Вот, предложили пить барсучье сало с дегтем... Сапогами отрыгается”* – нашел силы пошутить над собой.

В последнюю нашу встречу (февраль 1995 г.) Э.А. сидел в углу дивана, обложенный подушками. “Не могу лежать, все бока болят”, – объяснил он. И, с трудом переводя дыхание, опять стал жаловаться на иркутян, которые сорвали конференцию, и твердо заверил, что проведет ее сам, отредактирует тезисы докладов. Уверенно заявил, что еще потянет, хотя жизнь исчисляет уже неделями. Я молчал, не зная, что сказать. Ирисов не нуждался в утешении. Поговорив еще немного, я собрался уходить. По щекам Ирисова потекли слезы. У меня защемило сердце. Но я отогнал появившуюся, было, мысль о том, что мы видимся в послед-

ний раз. Через несколько недель я собирался приехать в Барнаул и надеялся увидеть Эдуарда Андреевича живым. В дверях я обернулся. Э.А. провожал меня глазами. Слегка поднял в прощании руку... Судьба напоследок оказала снисхождение Ирисову: он ушел из жизни во сне, не подозревая, что не проснется и избежит физических мучений...

Прошло более 50 лет, как мы познакомились, и прошло 20 лет, как его не стало. Годы не затушевывают событие, годы обостряют потерю. Невосполнимую потерю неординарного человека с нелегкой судьбой, человека с трудным вхождением в науку, человека, влюбленного в науку о птицах.

Я никогда не подозревал, что Эдуард Андреевич так много для меня значил. Уход его из жизни сделал для меня Барнаул пустым. Но человек не умирает, если его помнят. Эдуарду Ирисову суждена долгая жизнь. В памяти людской и в книгах, статьях.

Последняя фотография Э.А. Ирисова.
Орнитологи: Ю.С.Равкин (в центре), А.П. Кучин.
Вручение докторского диплома. Барнаул, 30 января 1995 г.